

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	86
Глава 5	118
Глава 6	155
Глава 7	183
Глава 8	216
Глава 9	251
Глава 10	282
Глава 11	320
Глава 12	348

1

Его зовут Джон Сидней Хоуард, мы с ним члены одного и того же лондонского клуба. В тот вечер я пришел туда ужинать около восьми, усталый после долгого дня и нескончаемых разговоров о моих взглядах на войну. Он входил в клуб впереди меня — высокий изможденный человек лет семидесяти с несколько нетвердой походкой. В дверях он зацепился за коврик, споткнулся и чуть не упал; швейцар подскочил и подхватил его под локоть.

Старик посмотрел на коврик и ткнул в него зонтом.

— Черт, зацепился носком, — сказал он. — Спасибо, Питерс. Видно, старею.

Швейцар улыбнулся.

— Многие джентльмены спотыкаются тут в последнее время, сэр. Я только на днях говорил об этом управляющему.

— Ну, так скажите еще раз и повторяйте до тех пор, пока он не наведет порядок, — сказал старик. — В один прекрасный день я упаду мертвый к вашим ногам. Вам же этого не хочется, а? — Он чуть усмехнулся.

— Совсем не хочется, сэр, — сказал швейцар.

— Надо думать. Очень неприятно, когда такое случается в клубе. Не хотел бы я умереть на коврике у порога. И в уборной не хотел бы. Помните, Питерс, как полковник Макферсон умер в уборной?

— Помню, сэр. Это был весьма прискорбный случай.

— Да... — Старик немного помолчал. Потом прибавил: — Да, в уборной я тоже не хочу умереть. Так что смотрите, пускай коврик приведут в порядок. Передайте от меня управляющему.

— Непременно, сэр.

Старик двинулся дальше. Я ждал, пока их беседа кончится, надо было получить у швейцара письма. Он вернулся за перегородку, подал мне мою почту в окошко, и я стал ее просматривать.

— Кто этот старик? — спросил я от нечего делать.

— Это мистер Хоуард, сэр, — ответил швейцар.

— Он, кажется, очень озабочен тем, какая именно кончина его ждет.

Швейцар не улыбнулся.

— Да, сэр. Многие джентльмены говорят так, когда начинают стареть. Мистер Хоуард очень много лет состоит членом нашего клуба.

— Вот как? — сказал я более почтительно. — Не помню, чтобы я его тут встречал.

— Кажется, он провел последние месяцы за границей, сэр, — объяснил швейцар. — А как

вернулся, сильно постарел. Боюсь, его не надолго хватит.

— В его возрасте эта проклятая война дается нелегко, — сказал я, отходя.

— Совершенно верно, сэр.

Я прошел в клуб, повесил на вешалку свой противогаз, отстегнул портупею, повесил туда же и увенчал все это фуражкой. Потом подошел к витрине и просмотрел последнюю сводку. Ничего особо хорошего или плохого. Наша авиация все еще крепко бомбила Рур; Румыния все еще отчаянно грызлась с соседями. Сводка была такая же, как все последние три месяца после оккупации Франции.

Я пошел ужинать. Хоуард был уже в столовой; кроме нас, там почти никого не оказалось. Ему прислуживал официант чуть ли не такой же старый, как он сам, и пока он ел, официант стоял подле и разговаривал с ним. Я невольно прислушался. Они говорили о крикете, заново переживали состязания 1925 года.

Я ужинал в одиночестве, а потому кончил раньше Хоуарда и подошел к конторке уплатить по счету. И сказал кассиру:

— Этот официант... как его...

— Джексон, сэр?

— Да, верно... Он давно здесь служит?

— Очень давно. Можно сказать, всю жизнь. По-моему, он поступил сюда то ли в девяносто пятом, то ли в девяносто шестом.

— Срок немалый.

Кассир улыбнулся, отдал мне сдачу.

— Да, сэр. Но вот Порсон, тот служит у нас еще дольше.

Я поднялся в курительную и остановился у стола, заваленного газетами. От нечего делать начал листать список членов клуба. Хоуард, увидел я, стал членом клуба в 1896 году. Значит, он и тот официант провели бок о бок всю свою жизнь.

Я взял со стола несколько иллюстрированных еженедельников и заказал кофе. Потом направился в угол, где стояли рядом два кресла, самые удобные во всем клубе, и собрался часок отдохнуть, домой вернуться успею. Через несколько минут рядом послышались шаги, и в соседнее кресло погрузился долговязый Хоуард. Служитель, не ожидая заказа, принес ему кофе и коньяк.

Чуть погодя старик заговорил.

— Просто поразительно, — сказал он негромко. — В нашей стране нельзя получить чашку приличного кофе. Даже в таком вот клубе не умеют приготовить кофе.

Я отложил газету. Если старику хочется поговорить, я не против. Весь день я проторчал у себя в старомодном кабинете, не поднимая головы читал отчеты и составлял докладные записки. Приятно отложить на время очки и дать отдых глазам. Я изрядно устал.

— Один сведущий человек говорил мне, что молотый кофе не сохраняется в нашем климате, — сказал я, нащупывая в кармане футляр от очков. — Из-за сырости или что-то в этом роде.

— Молотый кофе портится во всяком климате, — наставительно сказал старик. — Вы никогда

не выпьете порядочного кофе, если покупаете молотый. Надо покупать зерна и молоть только перед тем, как варить. Но здесь этим не занимаются.

Он еще порассуждал о кофе, о цикории. Потом, вполне естественно, заговорили о коньяке. Старик одобрил тот, что подавали в клубе.

— Я сам когда-то занимался винами, — сказал он. — Много лет назад, в Эксетере. Но оставил это вскоре после прошлой войны.

Я решил, что он, должно быть, состоял в клубной комиссии по винам.

— Вероятно, это довольно интересное дело, — заметил я.

— Ну еще бы, — сказал он со вкусом. — Разбираться в хороших винах очень интересно, можете мне поверить.

Мы были почти совсем одни в просторной комнате с высоким потолком. Разговаривали негромко, откинувшись в креслах, порой надолго замолкали. Когда очень устанешь, вот такая мирная беседа — большое удовольствие, ее смакуешь понемножку, словно старый коньяк.

— Мальчиком я часто бывал в Эксетере, — сказал я.

— Я-то прекрасно знаю Эксетер, — сказал Хоуард. — Прожил там сорок лет.

— У моего дяди был дом на Старкросс. — И я назвал фамилию дяди.

Старик улыбнулся.

— Я вел его дела. Мы были большими друзьями. Но это было очень давно.

— Вели его дела?

— То есть наша фирма вела. Я был компаньоном адвокатской конторы «Фулджеймс и Хоуард».

Тут он пустился в воспоминания и немало порассказал мне о моем дядюшке и его семействе, о его лошадях и арендаторах. Разговор все больше превращался в монолог; я вставлял два-три слова, и этого было довольно. Старик негромко рисовал почти забытые мною картины, дни, что ушли безвозвратно, — дни моего детства.

Я откинулся в кресле, спокойно покуривал, и усталость моя проходила. Поистине мне повезло — не часто встретишь человека, способного говорить о чем-то, кроме войны. Сейчас почти все только и думают если не о нынешней войне, так о прошлой, и любой разговор с каким-то болезненным упорством сводят к войне. А этого высохшего старика война словно обошла стороной. Его занимали самые мирные предметы.

Потом речь зашла о рыбной ловле. Оказалось, он страстный рыболов, я тоже удил понемножку. Почти все морские офицеры берут на корабль удочку и ружье. В свободные часы мне случалось ловить рыбу на побережьях всех частей света, но обычно не с такой наживкой, какая полагается, и без особого успеха; зато Хоуард был настоящий знаток. Он побывал с удочкой во всех уголках Англии и чуть ли не на всем континенте. В былые дни деятельность провинциального адвоката отнимала не слишком много времени и сил.

Мы заговорили о рыбной ловле во Франции, и я припомнил собственный опыт.

— Я видел, французы очень занятным способом ловят на муху, — сказал я. — Берут длинную бамбуковую жердь, футов этак в двадцать пять, с леской, но без катушки. Для наживки пользуются мокрой мухой и ведут ее по бурной воде.

— Правильно, — с улыбкой подтвердил Хоуард. — Именно так и делают. Где вы видели такую ловлю?

— Около Гекса, — сказал я. — Собственно, в Швейцарии.

Он задумчиво улыбнулся.

— Мне хорошо знакомы эти места... очень хорошо. Вы знаете Сен-Клод?

Я покачал головой:

— Юру я не знаю. Это, кажется, где-то возле Мореза?

— Да... недалеко от Мореза. — Он помолчал; мы остались вдвоем, в комнате было тихо, спокойно. Потом старик сказал: — Этим летом я хотел испробовать такую ловлю на муху в тамошних ручьях. Неплохое развлечение. Надо знать, куда рыба идет кормиться. Нельзя просто забрасывать муху как попало. Нужно вести ее так же осторожно, как искусственную.

— Стратегия, — сказал я.

— Вот именно. В сущности, стратегия в том и состоит.

Мы снова мирно помолчали. Потом я сказал:

— Не скоро мы опять сможем ловить рыбу в тех краях.

Так на сей раз я сам перевел разговор на войну. Нелегко обойти эту тему.

— Да... и это очень жаль, — сказал старик. — Мне пришлось уехать, когда рыба еще не ловилась. До самого конца мая клев никудышный. Ручьи еще совсем мутные и слишком полноводные — снег тает, понимаете. Позже, в августе, ручьи мелеют, да и жара. Лучшее время — середина июня.

Я повернулся к нему.

— Вы ездили туда в этом году? — Конец мая, о котором он упомянул вскользь, — это время, когда немцы через Голландию и Бельгию вторглись во Францию, когда мы отступали к Дюнкерку, а французы были отброшены к Парижу и за Париж. Казалось бы, не слишком подходящее время для старика удить рыбу посреди Франции.

— Я выехал в апреле, — сказал он. — Думал провести там все лето, но пришлось уехать раньше.

Я удивленно посмотрел на него, невольно улыбнулся.

— Трудно было возвращаться?

— Нет, — сказал он, — не особенно.

— Наверно, у вас была машина?

— Нет, — сказал он. — Машины не было. Я плохой водитель, несколько лет назад пришлось от этого отказаться. Глаза уже не те.

— Когда же вы уехали из Юры? — спросил я.

— Одиннадцатого июня, — сказал он, подумав. — Как будто так.

Я в недоумении поднял брови:

— И поезда шли по расписанию?

По моей работе мне хорошо известно было, что творилось в те дни во Франции.

Хоуард улыбнулся, сказал задумчиво:

— С поездами было неважно.

— Как же вы оттуда выбрались?

— По большей части пешком.

В эту минуту слышалось мерное трах... трах... трах... четыре разрыва подряд не больше чем в миле от нас. Прочное каменное здание клуба качнулось, полы и оконные рамы закрипели. Мы молча, напряженно ждали. Потом протяжно завывли сирены и резко затрещали зенитки. Начался очередной налет.

— Черт подери, — сказал я. — Что будем делать?

Старик невозмутимо улыбнулся:

— Я останусь здесь.

Это было разумно. Пренебрегать опасностью только ради того, чтобы избежать неудобств, глупо, но ведь над нами три солидных перекрытия. Мы порассуждали об этом, разглядывая потолок и прикидывая, выдержит ли он, если обвалится крыша. Но с места не двинулись.

Вошел молодой официант с фонарем и каской в руках.

— Убежище внизу, ход через кладовую, джентльмены, — сказал он.

— А это обязательно — идти в убежище? — спросил Хоуард.

— Нет, только если пожелаете.

— А вы пойдете вниз, Эндрюс? — спросил я.

— Нет, сэр. Я иду на свой пост, вдруг зажига-
тельная бомба попадет, мало ли что.

— Ну, идите, — сказал я. — Делайте свое дело. А когда найдется свободная минутка, принесите мне марсалы. Но сперва идите на пост.

— Неплохая мысль, — сказал Хоуард. — Между зажигательными бомбами принесите и мне стакан марсалы. Я буду здесь.

— Хорошо, сэр.

Он ушел, а мы опять откинулись на спинки кресел. Было около половины одиннадцатого. Официант погасил все лампы, кроме настольной позади нас, и мы оказались в маленьком овале мягкого золотистого света посреди большой темной комнаты. За окнами шум уличного движения, и так не очень оживленного в Лондоне тех дней, совсем утих. В отдалении слышались два-три полицейских свистка, промчался автомобиль; потом Пэлл-Мэлл всю, из конца в конец, окутала тишина, только вдалеке стреляли зенитки.

— Как вы думаете, долго нам придется тут сидеть? — спросил Хоуард.

— Пока это не кончится, я думаю. Последний налет продолжался четыре часа. — Я помолчал, потом спросил: — Кто-нибудь о вас будет беспокоиться?

— Нет-нет, — как-то даже торопливо ответил он. — Я живу один... в меблированных комнатах.

Я кивнул.

— Моя жена знает, что я здесь. Я бы ей позвонил, но не годится занимать телефон во время налета.

— Да, в это время просят не звонить, — сказал он.

Вскоре Эндрюс принес марсалу. Когда он вышел, Хоуард поднял бокал и посмотрел вино на свет.

— Что ж, это не самый неприятный способ пересидеть налет, — заметил он.

— Да, верно. — Я не сдержал улыбки. Потом повернулся к нему. — Значит, когда все это началось, вы были во Франции. Пришлось там пережить много налетов?

Он отставил почти полный бокал.

— Не настоящие налеты. Несколько бомбежек и пулеметных обстрелов на дорогах, но ничего страшного.

Он сказал это так спокойно, что я не сразу его понял. Потом решился заметить:

— Видно, вы были большим оптимистом, если в апреле этого года отправились во Францию удить рыбу.

— Да, пожалуй, — ответил он задумчиво. — Но мне хотелось поехать.

Он сказал, что весной этого года потерял покой и его мучила неодолимая потребность уехать, переменить обстановку. Он не стал объяснять, отчего им так завладела жажда перемен, сказал только, что хотел в военное время быть полезным, но никакого дела найти не удалось.

Вероятно, его никуда не принимали, потому что ему было под семьдесят. Когда разразилась война, он пытался поступить во Вспомогательную полицию; ему казалось, на этой службе пригодится его знание законов. В полиции думали иначе,

там требовались стражи порядка помоложе. Потом он обратился в противовоздушную оборону и потерпел еще одну неудачу. Напрасны оказались и другие попытки.

Война — тяжелое время для старых людей, особенно для мужчин. Им трудно примириться с тем, что от них слишком мало пользы; они терзаются сознанием своего бессилия. Хоуард всю свою жизнь приспособил к передачам последних известий по радио. По утрам вставал к семичасовой сводке, потом принимал ванну, брился, одевался и шел слушать восьмичасовой выпуск, и так весь день, вплоть до полуночной передачи, после которой он укладывался в постель. В перерывах между передачами он тревожился из-за услышанного и прочитывал все газеты, какие только мог достать, пока не подходило время опять включить радио.

Война застала его за городом. У него был дом в Маркет-Сафроне, неподалеку от Колчестера. Он переехал туда из Эксетера четырьмя годами раньше, после смерти жены; когда-то, в детстве, он жил в Маркет-Сафроне, и у него еще сохранились кое-какие знакомства среди соседей. И он вернулся туда, думая провести там остаток жизни. Купил участок в три акра с небольшим старым домом, садом и выгоном.

В 1938 году к нему приехала из Америки замужняя дочь с маленьким сыном. Она была замужем за нью-йоркским дельцом по фамилии Костелло, вице-президентом страхового общества, очень богатым человеком. И отчего-то с ним не

поладила. Хоуард не знал всех «отчего и почему» этой размолвки и не слишком на этот счет беспокоился: втайне он полагал, что дочь сама во всем виновата. Он любил зятя. И хоть совершенно его не понимал, все равно Костелло был ему по душе.

Так он жил, когда началась война, с дочерью Инид и ее сынишкой Мартином; отец упорно называл мальчика не по имени, а «Костелло-младший», что приводило старика в полнейшее недоумение.

Грянула война, и Костелло стал слать телеграмму за телеграммой, настаивая, чтобы жена с сыном вернулись домой, на Лонг-Айленд. И в конце концов они уехали. Хоуард поддерживал зятя и торопил дочь, убежденный, что женщина не может быть счастлива врозь с мужем. Они уехали, а он остался один в Маркет-Сафроне; изредка на субботу и воскресенье к нему приезжал его сын Джон, командир авиаэскадрильи.

Длиннейшими телеграммами по несколько сот слов Костелло старался убедить старика тоже приехать в Америку. Но тщетно. Старик боялся оказаться лишним, боялся помешать примирению. Так он сказал, но тут же признался, что настоящая причина была в другом: он не любит Америку. В первый год после свадьбы дочери он пересек Атлантический океан и погостил у них, и ему вовсе не хотелось проделать это еще раз. Почти семьдесят лет он прожил в более ровном климате, а в Нью-Йорке ему докучали то невыносимая жара, то отчаянный холод, и доставало мелких условностей, к которым он привык в нашей

старозаветной Англии. Ему нравился зять, он любил дочь, а их мальчик занимал в его жизни едва ли не главное место. Но ничто не заставило его променять комфорт и безопасность Англии, вступившей в смертельную борьбу, на неудобства чужой страны, наслаждавшейся миром.

Итак, в октябре Инид с мальчиком уехали. Хоуард проводил их до Ливерпуля, посадил на паром и вернулся домой. С тех пор он жил совсем один, только его вдовья сестра провела у него три недели перед Рождеством, да изредка его навещал Джон, приезжал из Линкольншира, где командовал эскадрилей бомбардировщиков «веллингтон».

Конечно, старику жилось очень одиноко. В обычное время ему было бы довольно охоты на уток и сада. В сущности, объяснил он мне, сад куда интереснее зимой, чем летом, ведь это — время, когда можно что-то менять и совершенствовать. Если хочешь пересадить дерево, или завести новую живую изгородь, или убрать старую, это надо делать именно зимой. Работа в саду доставляла ему истинное наслаждение, вечно он затевал что-нибудь новенькое.

Война все испортила. В мысли поминутно врывались сообщения с фронта, и мирные сельские занятия уже не радовали. Тяготила бездеятельность, Хоуард чувствовал себя бесполезным и едва ли не впервые в жизни не знал, как убить время. Однажды он излил свою досаду перед викарием, и этот целитель страждущих душ посоветовал ему заняться вязаньем для армии.